

Снайпер Валя

Ты помнишь себя, Валя,
молоденькой девчонкой,
В шинели неуклюжей,
в солдатских сапогах?
Стяжёлой, непривычной
снайперской винтовкой
В тоненьких и слабых девичьих руках?

Это стихотворение посвящено полевчанке **Валентине СУРЕНКО-ВОЙ**, сержанту, снайперу 45-го гвардейского стрелкового полка. С 1944 года и до конца войны Валентина Агеевна, а тогда – снайпер Валя Зюзёва, с наступающими советскими солдатами освобождала от фашистов русские, белорусские, литовские и немецкие земли.

Валентина Агеевна умерла в мае 1999 года, оставив письменные воспоминания о фронтовой юности. Написанные прекрасным литературным языком, они переносят читателя в атмосферу военных лет, передают чувства молоденьких девушек, попавших в боевое пекло. Мы решили опубликовать некоторые записи Валентины Суренковой, мужественной женщины-солдата.

В июле 1943 года нас, девушек из Полевского, отправили в снайперскую школу города Подольска. В снайперской школе мы познакомились с азами солдатской жизни...

То, что мы получили в снайперской школе, нам очень пригодилось на фронте... Теперь мы не кланялись свисту пули. Мы на практике убедились, что звука летящей в тебя пули не слышно, что, когда противник берёт тебя в вилку миномётно-артиллерийским огнём, нужно изменять направление движения. Но Можаева Нина так и не смогла усвоить эту истину. При артиллерийском минном обстреле её как бы парализовало. Она останавливалась, накрывая голову полой шинели, и считала, что она укрылась. Это получалось у неё машинально...

Наш полк тщательно готовился к прорыву усиленной обороны противника под Витебском, которую немец называл неприступным валом. Ночью батальоны полка вошли в первую траншею нашей обороны. Нам, снайперам, была поставлена задача наступать в боевых порядках прорыва с целью уничтожать пулемётчиков немецких командиров, расчёты орудий прямой наводки...

Мы успели только расположиться в траншее, как началась мощная артподготовка. Это было светопреставле-

ние. Земля дрожала, стенки траншеи осыпались. На переднем крае и в глубине обороны противника бушевал огненный смерч. Сплошная высоченная стена поднятой земли, брёвен, разрушенных землянок, наблюдательных пунктов и других укрытий. Сплошной гул – нельзя было разобрать слова, сказанного в ухо. Как немец ни готовил оборону, превращая её в неприступный вал на восточном фронте, она всё равно была прорвана, и через несколько дней мы были за Витебском...

Однажды нас, снайперов, и часть автоматчиков полка построил капитан и повёл на высоту, через которую проходила грунтовая дорога с востока на запад. На высоте он нас расположил слева и справа от дороги и сказал, чтобы мы зарывались в землю. Мы расположились друг от друга на расстоянии 5-6 метров – слева Нина, справа автоматчик, – и закипела работа.

Малыми лопатами мы вырыли ячейки полного профиля и замаскировались. К рассвету всё было готово. Перед рассветом километрах в 2-2,5 мы увидели, что впереди загорелась деревушка. Потом в отсветах огня мы увидели движение колонны в нашем направлении. Мы с любопытством и напряжением следили за движением колонны.

Когда до колонны осталось 400 метров, капитан дал команду «Огонь!», и мы открыли огонь по колонне. Колonna на мгновение остановилась, затем головная часть развернулась в густую цепь и двинулась на нас.

Мы свой огонь довели до наивысшего предела. Нам было видно, как падают немцы, но они продолжали двигаться, ведя огонь по ходу. Затем из колонны вышел танк и начал вести огонь по нашей высоте. Когда до противника осталось 150 метров, у меня кончились патроны. Я крикнула: «Девчата, нужны патроны!» – и посмотрела влево, но увидела пустые ячейки.

Справа поднял голову автоматчик, он крикнул: «Наши отошли, и ты отходи!» – и побежал на гребень высоты. Я тоже выскочила и бросилась за ним. Справа и слева, и над моей головой свистели пули, и под ногами поднимались столбики пыли при ударе пуль о землю. Состояние моё было не из блестящих, но мысль работала в одном направлении: только бы не ранило и не попасть в плен. Из сплошного полёта пуль, к счастью, ни одна меня не задела.

Я добежала до гребня и перевалила за него. Посмотрела на дорогу и увидела, что наши в 200 метрах. В ту минуту я подумала, что, если я побегу, то не догоню своих и останусь между нашими и немцами. В это время автоматчик, прикрываясь гребнем высоты, крикнул: «Отходи влево!», и мы побежали влево, где виднелся лес – до него было метров 300. Когда кончилась высота, автоматчик побежал по меже, я побежала прямиком по пашне – ох, и тяжело бежать по пашне!

До леса осталось 100 метров. Я обернулась и увидела, что немцы достигли гребня высоты, продолжая двигаться, они открыли огонь из винтовок и автоматов.

Не добежав до опушки леса, я почувствовала удар в правую лопатку, но продолжала бежать. Добежав до леса, залегла рядом с автоматчиком и стала наблюдать за немцами. Они в нашу сторону не двигались. Вся колonna с танком продолжала двигаться на запад. Через несколько минут мы поднялись, и я почувствовала невыносимую боль под правой лопаткой.

Я попросила автоматчика посмотреть, что там. Он посмотрел и сказал: «Твоя гимнастёрка продырявлена и вся в крови». Он предложил перевязку, но я отказалась. Тогда он сказал: «Пойдём быстрее, в этом районе должна быть санчасть». На дороге мы встретили командира дивизии. Увидев нас, он приказал становиться в строй. Но автоматчик сказал: «Снайпер ранена». Тогда командир дивизии отправил меня в санчасть...

Ольга МАКСИМОВА
Продолжение в следующем номере